

политическим и экономическим факторам идентификации России-Евразии, восходящей опять-таки к евразийству. При всей оригинальности концепции этногенеза ее автор повторил траекторию движения исследовательских принципов и мировоззренческих установок самого евразийства: «от примата культуры к примату политики». Опираясь на естественнонаучное знание, Л.Н. Гумилев был далек от примата культуры, но евразийский поиск «этнографического значимого целого» привел его к пониманию этого целого как пассионарно-энергетического единого, отлитого в формы суперэтнической политической субстанциональности. Отсюда и риторический пафос его последних высказываний: «объединиться, чтобы не исчезнуть», «если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство».

Литература

1. Евразийство: опыт систематического изложения // Мир России – Евразия: Антология. – М., 1995.
2. Хоружий С.С. О старом и новом. – СПб., 2000.
3. Керимов В. Евразийство: перспективы и тупики // Евразийская перспектива. – М., 1994.

Резюме

В статье анализируются содержательные характеристики эволюции социально-философской парадигмы евразийства, раскрыты специфические способы ее актуализации в научном наследии Л.Н. Гумилева.

Summary

In the article the substantial characteristics of the evolution of a social-philosophical paradigm of eurasian current are analyzed, the specific ways of its actualization in L.N.Gumilev's scientific heritage are defined.

УДК 316.4.051.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ ДУХОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В.Л. Петрушак

УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

Наращение глобальных проблем человечества, рост пропасти между богатыми и бедными в большинстве стран мира и ощущение кризиса и упадка техногенной цивилизации во многом является следствием нахождения мира в точке перехода от индустриального к

постиндустриальному обществу. Нарождающийся мир будущего должен ознаменоваться переворотом в сознании общества. Такой перелом станет новой мировоззренческой революцией, «равной по масштабам, но принципиально отличной по своему содержанию от той, которая произошла в эпоху Возрождения» [2, с. 34]. Переход в новую эпоху своего развития порождает необходимость сознательного стремления людей к раскрытию своих способностей, духовному самосовершенствованию, национальному и межконфессиональному их взаимодействию, развития диалога и сотрудничества различных цивилизаций и культур, используя достижения нано-, био- и психотехнологий.

Такая перемена сознания должна способствовать преодолению тех тупиков и противоречий, в которые попала техногенная цивилизация. Идеология и практика техногенно-потребительской стратегии развития, основанная на безграничном росте материальных потребностей, безудержной технико-экономической экспансии и социальной конкуренции, привела к началу XXI века все человечество на грань глобальной катастрофы. Как подчеркивают российские исследователи: «Иррационально высокие стандарты жизни западных сообществ, включая Японию, поддерживаются сегодня за счет низкого уровня жизни остального мира. 368 миллиардеров и мультимиллионеров, большинство из которых сосредоточено в развитых странах, владеют ровно половиной доходов 6 млрд населения планеты, при этом 400 млн человек в мире голодают, 100 млн. – бездомные, а 23% от всего населения Земли абсолютно бедны по меркам западных стран» [1, с.16–17].

Для выживания человечества и преодоления экологического кризиса и катастрофы и выхода на новый круг эволюционной спирали должна кардинально измениться система ценностей и приоритетов человеческого существования на Земле. Новые ценностные ориентиры будущего должны включать в себя как минимум четыре элемента: 1) экологизацию промышленности и охрану неповрежденных территорий; 2) сокращение чрезмерных материальных потребностей, характерных для индустриального общества; 3) переориентацию потребностей по вектору «духовной вертикали»; 4) защита прав природной среды от чрезмерного техногенного вмешательства общества, превышающего возможности самовосстановления природных систем.

Спасением от грозящей нам экологической катастрофы и геополитического безумия (в виде этнокультурного сепаратизма и космополитического тоталитаризма) может и должен стать переход к

духовно-экологической (или ноосферной) цивилизации. Ее суть заключается в том, что научно-техническое развитие, производство материальных товаров и услуг, политические и финансово-экономические интересы должны быть не целью, а всего лишь средством гармонизации отношений между обществом и природой. Эти инструменты жизни общества должны стать «подспорьем для утверждения высших идеалов человеческого существования: ненасилия и нестяжательства, всестороннего творческого развития и нравственного совершенствования, сердечного отношения к другому человеку и к иной культурной традиции» [1, с. 11]. Как наше земное тело должно служить духу, так экономика и техника должны обслуживать духовную культуру, ибо только последняя обеспечивает воспроизводство человека как космического духовно-нравственного существа. Соответственно новой формой бытия, как основы социокультурного и цивилизационного взаимодействия народов должна стать агиократия («власть святых»), идея которой была высказана выдающимся русским философом Павлом Ивановичем Новгородцевым. Принцип агиократии, являясь этико-социальным дополнением теории ноосферы В.В. Вернадского, означает, что принятие любых политических и экономических решений, проведение культурной и межконфессиональной политики, функционирование государственных институтов и правовых механизмов должны базироваться на духовных и экологических императивах. А это требование особенно актуально для территории Беларуси, где осуществляется взаимодействие различных цивилизаций, культур и религий. Именно здесь исторически осуществлялся синтез культур Западной и Восточной Европы, а также, взаимодействие православия, протестантизма и католицизма, что создало, несмотря на негативные моменты прошлого традицию религиозной толерантности.

Агиократический фундамент социокультурного взаимодействия новой цивилизации будут состоять, как минимум, из трех гуманитарных ценностей. Во-первых, признание безусловной значимости и необходимости защиты национальных святынь и чужих идеалов не подавляющих святынь твоей собственной культуры. Во-вторых, взгляд на любые формы естественной природной эволюции (от минералов до биогеоценозов) как на сокровище, вверенное человеку для сохранения и творческого преумножения. В-третьих, понимание человека как духовно-космического существа, имеющего не только безграничные возможности для расширения сознания и актуализации резервов своей телесно-физиологической организации, но и несущего

нравственную ответственность за эволюционные процессы на Земле и в Космосе.

Можно предположить, что роль лидеров в духовно-экологическом прорыве будут играть те страны и регионы, которые обладают наиболее мощным биосферным потенциалом, этнокультурным разнообразием и духовными ценностями, соответствующими задачам грядущей эпохи. И здесь выясняется, что у стран восточнославянской цивилизации по совокупности этих параметров просто-напросто нет достойных конкурентов. Какими же конкретными стратегическими ресурсами обладает восточнославянское общество для перехода к духовно-экологической стратегии развития?

Во-первых, это бесценный исторический опыт выживания в экстремальных природно-климатических условиях и политических катаклизмов своего существования, особенно в XX–начале XXI века. Это обстоятельство дало возможность восточнославянским народам убедиться в тупиковости техногенно-потребительских стратегий индустриального общества в различных вариантах их проявления.

Во-вторых, самый главный стратегический ресурс, каким обладают восточнославянские народы для утверждения духовно-экологической стратегии развития, это их уникальный духовно-интеллектуальный потенциал, специфика их сознания и менталитета. Восточнославянским народам присуще искание правды, принципы совместного духовного единения, общинно-артельные навыки самоуправления и организации хозяйственной жизни, аскетизм и духовное подвижничество, неприятие стяжательства и эгоизма и служение Отечеству. Все эти качества, были им жизненно необходимы в «суровых природно-климатических условиях существования, и, само собой разумеется, формировались они под их непосредственным воздействием и влиянием» [2, с. 29–30].

В-третьих, Россия, как ключевое звено восточнославянской цивилизации сохраняет уникальный биосферный потенциал, являясь глобальным биосферным донором. Ненарушенные хозяйственной деятельностью площади составляют 700–800 млн. га, 60% болот северного полушария расположены на ее территории, которые, наряду с болотами Полесья Беларуси и Украины связывают основную массу углерода, поддерживая экологический баланс в биосфере Земли. Сибирские леса дают 40% мирового кислорода. У нас самые большие в мире запасы чистой пресной воды и качественной древесины. Фактически Россия, это «огромная естественная фабрика по воспроизводству жизни на Земле, и уже в силу этого имеет полное

право отказаться от всех своих финансовых долгов европейским странам и США» [1, с.16–17].

В-четвертых, восточнославянский мир, обладая особым северным евразийским типом собственной цивилизации, имеет исключительно выгодное геополитическое положение между цивилизациями Востока и Запада, полиэтничный состав населения с вековыми традициями мирного сосуществования и сотрудничества различных народов, культур и религий, в том числе христианства, буддизма ислама и зороастризма.

В-пятых, существуют глубочайшие философские и научные прозрения русской культуры конца XIX–начала XX в. Это всестороннее обоснование евразийского характера российского культурно-географического мира (евразийцы); идеи русского космизма о принципах сознательной регуляции природы и космической сущности человека (Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, Н.А. Морозов); учение русской православной софиологии о мире как органической и живой целостности (В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, В.В. Зеньковский и др.); русская «метафизика сердца» (И.А. Ильин, П.Д. Юркевич, Б.П. Вышеславцев); концепция ноосферы В.И. Вернадского; теория экономических циклов Н.Д. Кондратьева и солнечных циклов А.Л. Чижевского; теория кооперации А.В. Чайнова; тектология А.А. Богданова; евгенические исследования Н.А. Вавилова, А.С. Серебровского, Н.К. Кольцова и т. д. Такой потенциал мысли в сочетании с учением об этнической пассионарности Л. Гумилева создает условия для формирования у восточных славян духовно-экологического мировоззрения, как основы межконфессионального взаимодействия.

В-шестых, в отличие от Запада восточнославянские народы не потеряли способность к порождению стратегических идей и воли к будущему. В последнее время отечественными учеными сделан ряд выдающихся открытий и выдвинуты многообещающие гипотезы, имеющие самое непосредственное отношение к задаче ноосферной трансформации человека и условий его жизнедеятельности. Это открытия «долевых форм» жизни и материальной мощи сознания, разработки в области общей теории систем и синергетики, физики вакуума и альтернативной энергетики.

В-седьмых, в восточнославянских странах формируются неправительственные и некоммерческие организации культурной и экологической направленности. Они силами немногих энтузиастов и подвижников организуют заповедники и национальные парки, спасают и восстанавливают архитектурные памятники, разворачивают

культурно-просветительскую деятельность и пытаются внедрить в жизнь технологии XXI века. По-видимому, на их основе будет формироваться агиократическая элита восточнославянского мира XXI века, а из ее среды будут выходить подлинно национальные лидеры, способные служить, а не властвовать, жертвовать, а не получать дивиденды.

В-восьмых, восточнославянские страны как никакие другие располагают целой россыпью уникальных биосферно-культурных регионов, являющихся естественными «стартовыми площадками» для ноосферного прорыва – Полесье, Карпаты, Урал, Алтай, Восточная Сибирь и Дальний Восток. Эти регионы составляют важнейший стратегический ресурс восточнославянских стран на пороге XXI века.

Если избравшим путь общего блага удастся отстоять на основе межконфессионального взаимодействия свои святыни и придать духовно-экологический импульс развитию восточнославянского мира, тогда завтра мы будем обладать всем необходимым для построения постиндустриального общества, где широко раскроется потенциал человека-творца нового типа.

Литература

1. Иванов, Л.В. Время великого размежевания: от техногенно-потребительской – к духовно-экологической цивилизации / Л.В. Иванов, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 1999. – № 6. – С. 6–25.
2. Кирвель, Ч.С. Движение к духовно-экологической цивилизации как способ исторической самореализации восточно-славянских народов / Ч.С. Кирвель // Веснік ГрДУ. Серія 1. Гуманітарна наука – 2001. – № 2 (7). – С. 33–61.
3. Кирвель, Ч.С. Капитализация восточнославянских стран: утопический выбор или реальная перспектива? / Ч.С. Кирвель // Беларуская думка. – 1999. – № 2. – С. 26–34.

Резюме

В статье говорится о перспективах и основных условиях построения духовно-экологической цивилизации восточнославянских народов в XXI веке. Особо подчеркнута невозможность их дальнейшего развития по пути техногенной цивилизации, которая в настоящее время переживает кризис и подчеркнута необходимость перехода восточнославянского мира к агиократическому правлению.

Summary

The article is devoted to the prospects and basic to the conditions of construction of a spiritual-ecological civilization of the Eastern Slavic people in XXI century. The impossibility of their further development on

the way of engineering civilization is especially underlined. The civilization experiences now a crisis and the necessity of transition of the East Slavic world to agiocratic government is stressed.

УДК 947.6. “1944–1948”

**ДА ПЫТАННЯ АБ ФАРМІРАВАННІ ЗАХОДНЯЙ МЯЖЫ БССР
У ПАСЛЯВАЕННЫ ЧАС
(НА ПРЫКЛАДЗЕ ГРОДЗЕНСКОЙ ВОБЛАСЦІ)**

Н.А. Рыбак

УА “Гродзенскі дзяржаўны аграрны універсітэт”
г. Гродна, Рэспубліка Беларусь

Пытанне савецка-польскай мяжы, усталяванай у верасні 1939 г., заставалася вельмі вострым на працягу ўсёй II сусветнай вайны. Польскі эміграцыйны ўрад, які знаходзіўся ў Лондане, гэтую мяжу адмовіўся прызнаць і выступаў за захаванне савецка-польскай граніцы, вызначанай Рыжскім мірам 1921 г. Супярэчнасці паміж савецкім і польскім бакамі адмоўна адбіліся на двухбаковых адносінах і не дазволілі ўсталяваць цеснае супрацоўніцтва, нягледзячы на тое, што і СССР, і Польшча ўваходзілі ў антыгітлераўскую кааліцыю. Карэнны пералом у вайне, звязаны ў першую чаргу з перамогамі Чырвонай Арміі на савецка-германскім фронце, дазволіў І.Сталіну паставіць так званае “польскае пытанне” перад саюзнікамі па антыгітлераўскай кааліцыі. У гэтай сітуацыі Вялікабрытанія і ЗША схіляліся да прызнання “лініі Керзана” ў якасці савецка-польскай граніцы [1, с.142]. Афіцыйна дамоўленасць была дасягнута на Тэгеранскай канферэнцыі ў 1943 г. Пры гэтым савецкі ўрад выказаў гатоўнасць пайсці на саступкі на карысць Польшчы. Адпаведна з заявай савецкага ўрада ад 11 студзеня 1944 г. да Польшчы павінна была адыйсці большасць раёнаў Беларускай вобласці. Цікавым з’яўляецца той факт, што Масква нават не палічыла патрэбным папярэдзіць савецкае беларускае кіраўніцтва аб сваіх намерах. У Мінску былі ўпэўнены, што Беласточчына застанеца ў складзе БССР. Партыйнае кіраўніцтва БССР 1 студзеня 1944 г. нават вызначыла склад партыйных работнікаў Беластоцкага абкама партыі [2, с.29]. У сакавіку 1944 г. на VI сесіі Вярхоўнага Савета БССР першы сакратар ЦК КП(б)Б П. Панамарэнка назваў мяжу 1939 г. справядлівай, якая ў этнаграфічных і гістарычных адносінах адпавядала інтарэсам Беларусі і Польшчы [2, с.30]. Старшыня Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР Н.Я. Наталевіч звярнуўся да Вярхоўнага Савета СССР і савецкага ўрада з просьбай разгледзець пытанне аб мяжы з улікам